Е.В. СМЫКОВ*

ХОТЕЛ ЛИ ЦЕЗАРЬ ЗАВОЕВАТЬ ПАРФИЮ?

В статье рассматривается последний внешнеполитический проект Г. Юлия Цезаря. Согласно рассказу Плутарха, он намеревался совершить поход на Парфию, а затем вернуться в Рим вокруг Каспийского моря, через Северное Причерноморье и Балканы. Сопоставление с другими источниками позволяет опровергнуть эту фантастическую информацию. На самом деле это был не большой завоевательный поход против восточного соседа, а комплекс мер, направленных на обеспечение безопасности границ. Цезарь намеревался в первую очередь нанести удар по гето-дакийскому племенному союзу, возглавляемому Буребистой, бывшему опасным соседом Рима на Дунае. Затем он планировал боевые действия против Парфии, но не с целью завоевания новой территории, а для обеспечения безопасности римской границы по Евфрату. Одновременно с этим нужно было решить ряд проблем, связанных с отношениями Рима и зависимых от него царств. Дальнейшие события показывают, что именно эти задачи решали наследники политики Цезаря, сначала М. Антоний, а затем – император Август.

Ключевые слова: Цезарь, Парфия, поход, Буребиста, геты, Плутарх, Светоний, Аппиан

Did Caesar want to conquer Parthia? EVGENIY V. SMYKOV (Saratov State University)

The article considers the last foreign policy project of G. Julius Caesar. According to Plutarch's story, he intended to march on Parthia, and then return to Rome around the Caspian Sea, across the Northern Black Sea coast and the Balkans. Comparing the information from various sources, the author refutes this fantastic theory and suggests that, in fact, Caesar did not prepare a huge aggressive campaign against the eastern neighbor, but rather planned a set of measures aimed at ensuring the security of the borders.

Keywords: Caesar, Parthia, campaign, Burebista, Getae, Plutarch, Suetonius, Appian

В мартовские иды (15 марта) 44 г. (здесь и далее – до н.э.) под кинжалами заговорщиков пал пожизненный диктатор, Отец Отечества, Гай Юлий Цезарь. Произошло это буквально накануне того дня (18 марта), когда он должен был покинуть Рим и отправиться в большой поход на Восток, против Парфии (App. BC. II. 110).

Этот несостоявшийся поход издавна вызывает к себе особое отношение историков. Волнующей выглядит уже сама коллизия: человек, на века ставший символом земного величия, непобедимый полководец, который, если верить Николаю Дамасскому, дал 302 сражения и ни одно из них не проиграл (Nic. Dam. Vita Caes.

* СМЫКОВ Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета.

E-mail: smykov61@list.ru

© Смыков Е.В., 2018

XXII. 80) против державы, чье противостояние с Римом на Востоке длилось три столетия! [35, с. 184-185] При этом сам собой возникает вопрос – а что было бы, если бы поход состоялся? «Бесславно было обагрено кровью тело человека, доходившего на запад до Британии и океана, замышлявшего поход на восток против Парфянского и Индийского царств с тем, чтобы, покорив также и их, объединить в одной державе всю власть над землей и морем» (Nic. Dam. Vita Caes. XXVI. 95), – выражал скорбь по поводу этого события Николай Дамасский, современник событий, как кажется, ни минуты не сомневаясь, что поход мог завершиться только победой. «Парфия была спасена. Великий разрушитель был уничтожен в тот момент, когда он был готов привести в исполнение свой грандиозный проект завоевания парфянской империи и провести Рим по дороге, проложенной Александром Великим», – констатирует Г. Ферреро спустя почти два тысячелетия [11, с. 456] (ср.: [35, с. 185]). Такой ответ на вопрос о возможной судьбе Парфии вполне объясним, учитывая культ Цезаря, который начал формироваться сразу после его смерти и благополучно дожил до наших дней.

Однако если мы обратимся к материалам источников, то оказывается, что их данные скудны и разрозненны. В сущности, они едины только в одном: поход должен был состояться; при этом сведений о стратегических планах Цезаря крайне мало. Николай Дамасский приписывает ему план покорения всего мира; но уже давно доказано, что источником этой части его сочинения *Vita Caesaris* является, по всей вероятности, автобиография самого Августа [2, с. 241; 25, р. 415], так что все это утверждение оказывается набором штампов, отчасти восходящих к эпохе Августа (ср.: Hor. Carm. I. 12. 56; Verg. Aen. VI. 793 sq.), отчасти, возможно, содержащих полемику с прославлением достижений Помпея (ср. претензии Помпея на славу покорителя мира: Cic. Sest. 67; 129; Balb. 16; Prov. cons. 31; De domo suo. 110; Vell. II.40.4; Plut. Pomp. 45.7) [34, с. 437].

Нечто подобное сообщает и Плутарх: «Он готовился к войне с парфянами, а после покорения их имел намерение, пройдя через Гирканию вдоль Каспийского моря и Кавказа, обойти Понт и вторгнуться в Скифию, затем напасть на соседние с Германией страны и на самое Германию и возвратиться в Италию через Галлию, сомкнув круг римских владений так, чтобы со всех сторон империя граничила

с Океаном» (Plut. Caes. 58.3, пер. Г.А. Стратановского, К.П. Лампсакова). Однако Плутарх, современник императора Траяна, мыслил уже в совершенно иных геополитических категориях в сравнении с веком Цезаря. Его Помпей мечтает «захватить Сирию и проникнуть через Аравию к Красному морю, чтобы победоносно достигнуть Океана, окружающего со всех сторон обитаемый мир» (Pomp. 38, пер. Г.А. Стратановского), а Красс «рвался на восток, к Индийскому океану, желая присоединить к римской державе всю Азию» (Plut. Comp. Nic et Cr. 4, пер. Т.А. Миллер). Совершенно очевидно, что все это находит свою ближайшую параллель в завоевательных планах Траяна [21, р. 447-448].

Именно на эти сообщения опирается «глобалистская» трактовка планов Цезаря, весьма распространенная в историографии [18, р. 610-611; 19, р. 368; 31, р. 475]. Но есть и иные источники, не столь яркие литературно, рисующие события несколько в ином свете. Так, Веллей Патеркул лишь мимоходом упоминает, что Цезарь «замыслив войну с гетами и парфянами, вознамерился сделать ... своим соратником» Г. Октавия, будущего Августа (Vell. II. 59. 4). Согласно Светонию, он намеревался «усмирить вторгшихся во Фракию и Понт дакийцев, а затем пойти войной на парфян через Малую Армению, но не вступать в решительный бой, не познакомившись предварительно с неприятелем» (Suet. DJ. 44.3, пер. М.Л. Гаспарова). В том же порядке он сообщает о последовательности действий Цезаря и в биографии Августа: поход против парфян следует за походом против дакийцев (Suet. DA. 8.2). Наконец, согласно Аппиану, диктатор «задумал большой поход на гетов и парфян, гетам, племени суровому, воинственному и обитающему по соседству, для того, чтобы предотвратить их нападения, а парфянам – чтобы отомстить им за нарушение мирного договора с Крассом» (App. BC. II. 110).

Итак, если Николай Дамасский вообще не говорит о планируемых боевых действиях на Дунае, а Плутарх считает, что удар по гето-дакийским племенам («соседние с Германией страны») должен был быть нанесен при возвращении армии кружным путем, да еще и с добавлением удара по самой Германии, то Веллей и Светоний ставят поход против дунайских племен на первое место, как действие, предшествующее наступлению на Парфию, а Аппиан не дает четкого ответа на вопрос о последовательности действий, перевод его текста как «сперва по гетам, потом по парфянам» не является кор-

ректным [34, р. 436, Anm. 25]. Соседство гетов и парфян в этих сообщениях позволяет увидеть планируемую войну несколько в ином свете, не как новые масштабные завоевания, а как комплекс мероприятий, связанных с обеспечением безопасности границ. Именно так понимал намерения Цезаря еще Т. Моммзен, который при всем пиетете к личности своего героя не приписывал ему чрезмерных планов: «Ничто не указывает нам на желание Цезаря победоносно продвигаться, подобно Александру, в бесконечно далекие страны; <...> ...Никакой достоверный авторитет не подтверждает существования этих баснословных проектов. Для государства, подобного Риму при Цезаре, заключавшего в себе массу варварских элементов, с которыми трудно было совладать и на ассимилирование которых оно должно было еще употребить несколько столетий, такие завоевания, даже если считать их выполнимыми в военном отношении, были бы не чем иным, как только гораздо более блестящими, но и гораздо более печальными ошибками, чем индийский поход Александра» [9, с. 338-339].

Действительно, к 44 г. границы по Дунаю и по Евфрату были наиболее беспокойными местами. У гетов к этому времени сложилось мощное племенное образование во главе с Буребистой (Беребистой), жившее за счет набегов и ограбления сопредельных территорий. Правда, Иордан делает Буребисту современником Суллы, т.е. относит его воцарение к концу 80-х гг. I в. до н.э. (Get. 67), но, скорее всего, это ошибка, которую он повторил вслед за Кассиодором, который послужил ему источником [15, р. 1958]. Скорее, следует признать, что он пришел к власти двумя десятилетиями позже, т.е. примерно одновременно с выдвижением Цезаря в первые ряды римских политиков [14, р. 262]. Заметим, кстати, что, начав активную деятельность примерно одновременно, они практически одновременно и сходят со сцены, и оба погибают от рук своих приближенных: по словам Страбона, «после восстания некоторых мятежников против Беребисты последний был низвержен, прежде чем римляне выступили против него походом. Его преемники разделили державу на несколько частей» (VII. 3. 11. С 304, пер. Г.А. Стратановского).

К сожалению, история правления Буребисты известна нам лишь в самых общих чертах. Главным источником здесь служит все тот же Страбон. Он пишет: «Беребиста, гет, достиг верховной власти над своим племенем. Ему

удалось возродить свой народ, изнуренный длительными войнами, и настолько возвысить его путем физических упражнений, воздержания и повиновения его приказам, что за несколько лет он основал великую державу и подчинил гетам большую часть соседних племен. Он стал внушать страх даже римлянам, так как безбоязненно переходил Истр, разоряя Фракию вплоть до Македонии и Иллирии; он опустошил также страну кельтов, смешавшихся с фракийцами и иллирийцами, а бойев, бывших под властью Критасира, и таврисков совершенно уничтожил» (VII. 3. 11. С 304).

Исходя из этих данных румынские историки приписывают вождю гетов продуманный политический курс. Так, И. Кришан пишет, что «это не были изолированные акции с целью разграбления того или иного греческого города, но тщательно запланированная политика интеграции всего западнопонтийского побережья со всеми его городами в Гето-Дакийское государство» [16, р. 125]. П. Вэдан говорит об инкорпорации понтийских колоний в Дакийское царство [40, р. 78-79]. Ареал гетской военной экспансии действительно был достаточно велик, но утверждение, что все эти земли вошли в «царство» Буребисты [8, с. 25], все же слишком рискованное. Геты вообще не стремились экономически и политически освоить разоренные ими земли – что на востоке, что на западе. После разгрома и полного уничтожения бойев, например, их земли пустовали, так что Страбон говорит о «пустыне бойев» (VII. 1. 5. С 292); то же самое наименование, *deserta boiorum*, многими годами позже употребляет Плиний Старший (NH. III.146).

Но если мотивы истребления бойев еще как-то можно объяснить перманентной кельтской угрозой, то варварские набеги на Западный Понт носили откровенно разбойничий характер. Что до характера военных побед Буребисты на Понте, то его тактика заключалась в выборе наиболее обескровленного противника, не способного в данный момент оказать серьезное сопротивление. Аполлония, например, накануне была разметена войсками Марка Теренция Лукулла (Eutr. VI. 10), Истрия пришла в упадок еще столетием раньше Буребисты, а Ольвия к тому времени тоже уже практически не представляла собой крупного города. Таким образом, покорение этих городов вовсе не требовало недюжинной военной одаренности [3, с. 267-269]. Подобная форма военной экспансии характерна для начальных этапов раз-

вития государства, так что само объединение, возглавляемое Буребистой, являлось ни в коем случае не монархией, тем более не монархией эллинистического типа, а племенным союзом [9, с. 90; 3, с. 265, прим. 168; 270-271].

Однако племенной союз был едва ли не более опасным соседом, чем развитое государственное образование. Внешняя политика соседнего государства в любом случае более предсказуема, чем варварская стихия. Ю.Г. Виноградов блестяще охарактеризовал основы «политики» варваров: «Да, это была политика, ...но политика совершенно иного толка: вместо создания протектората, вместо экономической эксплуатации путем регулярного взимания трибута в обмен на гарантии защиты..., совершенно неприкрытое насилие, причем прежде всего над наиболее слабым противником, без думы о завтрашнем дне, вырезание целых племен, разгром, грабеж, стирание с лица земли целых городов, жестокие требования беспрекословного повиновения от современников и т.д.» [3, с. 270]. Ситуация была тем более острой, что в распоряжении «царя» гетов находились значительные силы. Страбон называет численность выставляемого Буребистой войска – 200 тыс. чел. По мнению В. Пырвана, цифра эта вполне реальна и даже довольно скромна для густонаселенного карпато-дунайского региона, если принять, что в войско, согласно обычной варварской системе, мобилизовали пятую часть населения [33, р. 203/91]. Но если даже цифра завышена, что обычно для античных авторов, то, во всяком случае, не подлежит сомнению, что силы и активность Буребисты были действительно велики и он был очень опасным соседом для римских владений.

В этом контексте следует рассматривать и контакты Буребисты с Помпеем. О самом факте посольства нам известно только из декрета в честь Акорниона, гражданина Дионисополя (Ditt. Syll. 762. 32-37), который исполнил это поручение вождя гетов; однако о цели посольства нам неизвестно ничего, и, скорее всего, прав Ю.Г. Виноградов: Акорнион должен был либо отвлечь от гетов опасность того, что Помпей обратит свое оружие против них, либо убедиться, что таковой не существует [3, с. 266]. Но кроме этого следует учитывать и взгляд на эти события самого Цезаря: Помпей принял посольство от могущественного варвара, который в любой момент может вторгнуться в римские владения. Пусть даже это не имело никаких практических последствий, но опасность сохранялась и ее надлежало ликвидировать.

Сходной была ситуация и на другом естественном рубеже Рима – на Евфрате. Парфянская угроза, *timor Paethici belli*, также существовала уже почти десять лет, со времени поражения Красса, ее упоминает и сам Цезарь (Caes. BC. III. 31. 3), и Цицерон (Cic. Fam. XII. 19. 2). В начале гражданской войны Луцилий Гирр был послан Помпеем к парфянскому царю Ороду II (Caes. BC. III. 82. 5). Если верить Кассию Диону, царь не предоставил Помпею помощи, о которой тот просил, а самого Гирра заключил в оковы (Cass. Dio. XLII. 2. 5). Хотя цели посольства и его результаты не вполне ясны (возможно, речь шла вовсе не о помощи, а о соблюдении парфянами нейтралитета [23, р. 393-394]), парфяне удержались от вмешательства в римские дела и от интервенции, не пытаясь воспользоваться ослаблением римского контроля над восточными провинциями. Однако при этом тщательное рассмотрение источников демонстрирует, что Парфия отнюдь не обязательно была союзницей Помпея и рассматривалась им как возможная база для продолжения борьбы после битвы при Фарсале [27, р. 142-143].

Всего этого явно недостаточно, чтобы приписывать Цезарю планы парфянского похода уже начиная с 47 г., как это делают некоторые исследователи [24, с. 326; 28, р. 29-30; 30, р. 601; 38, р. 114-115]. Противостояние носило, если можно так выразиться, «холодный» характер, и не в интересах Цезаря было переводить его в «горячую» стадию, добавляя себе нового опасного военного противника. Но вскоре ситуация изменилась [1, с. 77-78]. Уже в 46 г. наместник Киликии Кв. Корнифиций опасался парфянского вторжения в Сирию, которую Цезарь добавил к его провинции (Cic. Fam. XII. 19. 2), что, возможно, было связано с просьбой о помощи, с которой к парфянскому царю обратился мятежный военачальник Кв. Цецилий Басс [38, р. 115]. Сам Корнифиций в сирийское командование так и не вступил [4, с. 105]; как он и опасался, в конце 45 г. значительные силы парфянской конницы во главе с царевичем Пакором вторглись в Сирию и нанесли удар по войскам цезарианца Г. Антистия Вета, блокировавшего Басса в Апамее. Блокада была прорвана, а войска Вета понесли большие потери (Cic. Fam. XII. 17. 1; Strab. XVI. 753; Jos. AJ. XIV. 268; BJ. I. 216; Cass. Dio. XLVII. 26. 3-27. 2). Интересны два момента: во-первых, хотя мы ничего не знаем об условиях, на которых парфяне оказали помощь Бассу, нет ника-

ких признаков того, что они пытались как-то закрепиться в Сирии, что, как будто, не очень вяжется с их стремлением подчинить себе эту римскую провинцию. Во-вторых, любопытно, что вторжение возглавлял Пакор – фигура, несомненно, знаковая, с которой были связаны воспоминания о предыдущем вторжении в Сирию в 51-50 гг. [10, с. 312-322]. Таким образом, на передний план вновь выдвинулась группировка, настроенная на проведение активной политики по отношению к римским владениям. Именно это превращало границу по Евфрату в еще одну «горячую» зону и делало насущно необходимым урегулирование ситуации.

Таким образом, причину готовившихся Цезарем мероприятий следует искать не в мифических планах «завоевания мира» [31, р. 472], и не в «большой империалистической политике по отношению к Парфии» [38, р. 114], а именно в этих внешнеполитических проблемах. Каково было возможное развитие событий? Скорее всего, кампания 44 г. должна была быть направлена против Буребисты [13, р. 6]. Цезарю не впервой было иметь дело с могущественным варварским вождем, и, как правило, дело ограничивалось одной кампанией; вряд ли он полагал, что на гетов понадобится больше времени, тем более что его армия значительно превышала по численности ту, которую он имел во время Галльских войн [34, с. 438]. К моменту гибели Цезаря войска из Аполлонии двигались в Македонию, на соединение со стоящими там легионами. Концентрация войск на севере Балканского полуострова, возможно, тоже говорит о намерении нанести первый удар по Буребисте [5, с. 78, прим. 3; 6, с. 360-361]. При этом вполне возможно, что его поход за Дунай должен был явиться всего лишь грандиозной карательной акцией – на 43 г. провинцию Македония должен был получить М. Антоний [36, р. 187], так что вполне возможно, что окончательное замирение побежденных гетов должно было достаться ему [28, р. 54-55].

На кампанию на Востоке оставалось бы два года. Но какое-то время, почти наверняка, пришлось бы потратить и на установление порядка в пестром мире зависимых царств. Во всяком случае, из наиболее крупных проблем, которые оставались на момент похода, можно назвать судьбу Дейотара и его царства, которые Цезарь, скорее всего, хотел решить на месте [32, с. 596; 37, с. 167], а также вопрос о власти в Боспорском царстве, где он столкнулся с явным неповиновением своей воле. Довольно вероят-

ным выглядит предположение о том, что Цезарь опасался возможного союза между Буребистой и непокорным царем Боспора Асандром [12, р. 715]. Предпринятая Цезарем попытка утвердить на Боспоре своего ставленника Митридата Пергамского завершилась неудачей [22], что, несомненно, требовало вмешательства самого диктатора. Возможно, именно это намерение вмешаться в боспорские дела преобразилось в воображении Плутарха в рассказ о намерении Цезаря возвращаться в Рим кружным путем – план, который Г. Бенгтсон справедливо назвал «империалистической фантазией, не имеющей никакого отношения к реальной политике» [13, р. 9].

К этому следует добавить, что неизвестно, как развивались бы события, связанные с мятежом Цецилия Басса. Во всяком случае, к 44 г. борьба с ним длилась уже около двух лет, а те шесть легионов, которые действовали против него, не добились существенных успехов, так что, скорее всего, Цезаря на Востоке ожидал еще и этот противник. Кроме того, согласно рассказу Светония, Цезарь намеревался «не вступать в решительный бой, не познакомившись предварительно с неприятелем» (Suet. DJ. 44. 3). Такое знакомство и другие подготовительные мероприятия тоже требовали определенного времени. Думается, что все это заняло бы второй год кампании.

Наконец, обеспечив себе спокойствие в тылу, можно было начинать наступление на Парфию. По поводу этой кампании предположения строить невозможно, все они окажутся чисто гадательными. Из Светония мы знаем общее направление наступления – через Малую Армению, т.е. избегая тех ошибок, которые допустил в своем походе Красс [31, р. 475; 41, р. 136, прим. 50]. Однако конкретная цель похода остается неясной. Возможно, Цезарь сознательно избегал четкой постановки целей, по крайней мере, их публичной формулировки. Это давало ему возможность представить любой успех как достижение поставленных задач [34, с. 437]. Поскольку ни о каком «завоевании» в территориальном смысле [17, р. 464-465; 39, р. 605] и речи быть не может в силу ограниченности отведенного на поход времени, скорее всего, речь должна была идти о демонстрации силы без намерения приобретения территорий за Евфратом [29, р. 224], или победе/победах над парфянской армией и «принуждении к миру», т.е. оттеснении парфян за новую границу по Евфрату [20, р. 172] и заключении договора с парфян-

ским царем [26, р. 90-91]. Довольно вероятно и то, что зримым воплощением успеха всего предприятия должно было стать возвращение орлов, захваченных парфянами в результате поражения армии Красса [29, с. 227]. В конце концов, вполне вероятным выглядит и вторжение в Парфию, имеющее итогом утверждение на троне нового царя, который будет зависим от поддержки Рима. Во всяком случае, такое развитие событий можно предположить, исходя из политики М. Антония на Востоке, и принимая в расчет те условия, на которых Август урегулировал отношения двух держав (об аналогиях см.: [6, с. 362-363]).

В дополнение ко всему сказанному о характере и целях последних внешнеполитических планов Цезаря можно высказать еще одно соображение. Если Цезарь готовил масштабный поход на Восток, то, разумеется, план этой войны должен был умереть вместе с ним. Между тем Аппиан неоднократно упоминает, что после смерти Цезаря провинцию Сирия и поручение вести войну с парфянами получил Долабелла (Апп. ВС. III. 7; 8; 24). Таким образом, диктатор был мертв, а необходимость ведения войны с парфянами сохранилась, только теперь вести ее должен был уже не гениальный полководец, а заурядный римский магистрат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Ч. 2. М., 1966.
2. Веселаго Е.Б. Николай Дамасский // Вестник древней истории. 1960. № 3. С. 235-244.
3. Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса. М., 1989.
4. Дибвойз Н.К. Политическая история Парфии. СПб., 2008.
5. Егоров А.Б. Последние планы Цезаря (к проблеме римского глобализма) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2006. Вып. 5. С. 77-94.
6. Егоров А.Б. Юлий Цезарь: политическая биография. СПб., 2014.
7. Златковская Т.Д. Племенной союз гетов под руководством Биребисты (I в. до н.э.) // Вестник древней истории. 1955. № 2. С. 73-91.
8. История Румынии. М., 2005.
9. Моммзен Т. История Рима. Т. III. СПб., 1995.
10. Смыков Е.В. После Карр: римско-парфянское противостояние в Сирии в 53-50 гг. до н.э. // Из истории античного общества. Вып. 9-10. Нижний Новгород, 2007. С. 312-322.
11. Ферреро Г. Величие и падение Рима. Кн. 1. СПб., 1997.
12. Adcock, F., 1932. Caesar's dictatorship. In: The Cambridge Ancient History. Vol. IX. Cambridge, pp. 691-740.
13. Bengtson, H., 1974. Zum Partherfeldzug des Antonius. München.
14. Brandis, K.G., 1903. Burebista. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. SpIbd. 1. Stuttgart, pp. 261-264.
15. Brandis, K.G., 1901. Dacia. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hbd. 8. Stuttgart, pp. 1948-1976.
16. Crişan, I.H., 1978. Burebista and his time. Bucureşti.
17. Debecq, J., 1951. Les Parthes et Rome. Latomus, Vol. 10, pp. 459-469.
18. Drumann, W., 1906. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung: oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen nach Geschlechtern und mit genealogischen Tabellen. Bd. 3. Leipzig.
19. Fowler, W.W., 1900. Julius Caesar and the foundation of the Roman imperial system. New York.
20. Freber, Ph.-St., 1993. Der hellenistische Osten und das Illyricum unter Caesar. Stuttgart.
21. Hartmann, U., 2008. Das Bild der Parther bei Plutarch. Historia, Vol. 57, pp. 426-452.
22. Heinen, H., 1994. Mithridates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. Zur Interpretation von Bellum Alexandrinum 78. In: E fontibus haurire: Beitrage zur rdmischen Geschichte und zu ihren Hilfswissenschaften. Paderborn, pp. 63-79.
23. Hillmann, T.P., 1996. Pompeius ad Parthos? Klio, Vol. 78, pp. 380-399.
24. Holmes, T.R., 1928. The Roman Republic and the founder of empire. Vol. 3. Oxford.
25. Laqueur, R., 1936. Nicolaos von Damaskos. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. HBd. 33. Stuttgart, pp. 362-424.
26. Lerouge, Ch., 2007. L'image des Parthes dans le monde gréco-romain. Du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain. Stuttgart.
27. Losehand, J.M.S., 2005. Die letzten Tage des Pompeius. Dissertation. Universität Wien.
28. Malitz, J., 1984. Caesars partherkrieg. Historia, Vol. 33, pp. 21-59.
29. McDermott, W.C., 1982-1983. Caesar's projected Dacian-Parthian expedition. Ancient Society, Vol. 13-14, pp. 223-231.

30. Meier, Ch., 1986. Caesar. München.
31. Meyer, Ed., 1922. Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius. Berlin.
32. Niese, B., 1887. Straboniana. Rheinisches Museum für Philologie, Vol. 42, pp. 563-602.
33. Pârvan, V., 1926. Getica, o protoistorie a Daciei. București.
34. Pelling, Ch., 2012. Commentary. In: Plutarch. Caesar. Oxford.
35. Rawlinson, G., 1873. The sixth great oriental monarchy, or the geography, history, antiquities of Ancient Parthia. New York.
36. Schwartz, E., 1898. Die Vertheilung der Roemischen Provinzen nach Caesars tod. Hermes, Vol. 33, no. 2, pp. 185-244.
37. Sullivan, R.D., 1990. Near Eastern royalty and Rome, 100-30 B.C. Toronto; Buffalo; London.
38. Timpe, D., 1962. Die Bedeutung der Schlacht von Carrhae. Museum Helveticum, Vol. 19, pp. 104-129.
39. Townend, G.B., 1983. A clue to Caesar's unfulfilled intentions. Latomus, Vol. 42, no. 3, pp. 601-606.
40. Vădan, P., 2008. Pattern of continuity in Geto-Dacian foreign policy under Burebista. Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies, Vol. 6, pp. 69-86.
41. Wolski, J., 1993. L'Empire des Arsacides. Louvain: Peeters.
42. of Birebysta (1st century BC)], Vestnik drevnei istorii, no. 2, pp. 73-91. (in Russ.)
43. 8. Istoriya Rumynii [The history of Romania]. Moskva, 2005. (in Russ.)
44. 9. Mommsen, T., 1995. Istoriya Rima [The history of Rome]. T. III. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
45. 10. Smykov, E.V., 2007. Posle Karr: rimsko-parfyanskoe protivostoyanie v Sirii v 53-50 gg. Do n.e. [After the Battle of Carrhae: the Roman-Parthian confrontation in Syria in 53-50 B.C.]. In: Iz istorii antichnogo obshchestva, Vyp. 9-10, Nizhniy Novgorod, pp. 312-322. (in Russ.)
46. 11. Ferrero, G., 1997. Velichie i padenie Rima [The greatness and fall of Rome]. Kn. 1. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
47. 12. Bengtson, H., 1974. Zum Partherfeldzug des Antonius [To the Parthian campaign of Antonius]. München. (in German)
48. 13. Brandis, K.G., 1903. Burebista [Burebista]. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Splbd. 1. Stuttgart, pp. 261-264. (in German)
49. 14. Brandis, K.G., 1901. Dacia [Dacia]. In: Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hbd. 8. Stuttgart, pp. 1948-1976. (in German)
50. 15. Crișan, I.H., 1978. Burebista and his time. București.
51. 16. Debecq, J., 1951. Les Parthes et Rome [The Parthians and Rome], Latomus, Vol. 10, pp. 459-469. (in French)
52. 17. Drumann, W., 1906. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung: oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen nach Geschlechtern und mit genealogischen Tabellen [History of Rome in its transition from republic to monarchy or Pompey, Caesar, Cicero and their contemporaries]. Bd. 3. Leipzig. (in German)
53. 18. Fowler, W.W., 1900. Julius Caesar and the foundation of the Roman imperial system. New York.
54. 19. Freber, Ph.-St., 1993. Der hellenistische Osten und das Illyricum unter Caesar [The Hellenistic East and Illyricum under Caesar]. Stuttgart. (in German)
55. 20. Hartmann, U., 2008. Das Bild der Parther bei Plutarch [The image of the Parthians by Plutarch], Historia, Vol. 57, pp. 426-452. (in German)
56. 21. Heinen, H., 1994. Mithridates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. Zur Interpretation von Bellum Alexandrinum 78 [Mithridates of Pergamon and Caesar's Bosporan plans. On the interpretation of Bellum Alexandrinum 78].

REFERENCES

1. Bokshchanin, A.B., 1966. Parfiya i Rim. Ch. 2 [Parthia and Rome. Part 2]. Moskva. (in Russ.)
2. Veselago, E.B., 1960. Nikolai Damasskiy [Nicolaus of Damascus], Vestnik drevnei istorii, no. 3, pp. 235-244. (in Russ.)
3. Vinogradov, Yu.G., 1989. Politicheskaya istoriya Ol'viiskogo polisa [Political history of the polis of Olbia]. Moskva. (in Russ.)
4. Debevoise, N.C., 2008. Politicheskaya istoriya Parfii [A political history of Parthia]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
5. Egorov, A.B., 2006. Poslednie plany Tsezarya (k probleme rimskogo globalisma) [Caesar's last plans (to the problem of Roman globalism)]. In: Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. Vyp. 5. Sankt-Peterburg, pp. 77-94. (in Russ.)
6. Egorov, A.B., 2014. Yuliy Tsezar': politicheskaya biografiya [Julius Caesar: a political biography]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
7. Zlatkovskaya, T.D., 1955. Plemennoy soyuz getov pod rukovodstvom Birebisty (I v. do n.e.) [Tribal union of geth under the leadership

In: *E fontibus haurire: Beiträge zur römischen Geschichte und zu ihren Hilfswissenschaften*. Paderborn, pp. 63-79. (in German)

22. Hillmann, T.P., 1996. *Pompeius ad Parthos?* [Pompeius ad Parthos?], *Klio*, Vol. 78, pp. 380-399. (in German)

23. Holmes, T.R., 1928. *The Roman Republic and the founder of empire*. Vol. 3. Oxford.

24. Laqueur, R., 1936. *Nicolaos von Damaskos* [Nicolaus of Damascus]. In: *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. HBd. 33. Stuttgart, pp. 362-424. (in German)

25. Lerouge, Ch., 2007. *L'image des Parthes dans le monde gréco-romain. Du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain* [The image of the Parthians in the Greco-Roman world. From the beginning of the 1st century BC until the end of the High Roman Empire]. Stuttgart. (in French)

26. Losehand, J.M.S., 2005. *Die letzten Tage des Pompeius* [The last days of Pompey]. Dissertation. Universität Wien. (in German)

27. Malitz, J., 1984. *Caesars partherkrieg* [Caesar's Parthian war], *Historia*, Vol. 33, pp. 21-59. (in German)

28. McDermott, W.C., 1982-1983. *Caesar's projected Dacian-Parthian expedition*. *Ancient Society*, Vol. 13-14, pp. 223-231.

29. Meier, Ch., 1986. *Caesar* [Caesar]. München. (in German)

30. Meyer, Ed., 1922. *Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius* [Caesar's monarchy and the principate of Pompey]. Berlin. (in German)

31. Niese, B., 1887. *Straboniana* [Straboniana]. *Rheinisches Museum für Philologie*, Vol. 42, pp. 563-602. (in German)

32. Pârvan, V., 1926. *Getica, o protoistorie a Daciei* [Getica, a protohistory of Dacia]. București. (in Romanian)

33. Pelling, Ch., 2012. *Commentary*. In: *Plutarch. Caesar*. Oxford.

34. Rawlinson, G., 1873. *The sixth great oriental monarchy, or the geography, history, antiquities of Ancient Parthia*. New York.

35. Schwartz, E., 1898. *Die Vertheilung der Roemischen Provinzen nach Caesars tod* [The distribution of the Roman provinces after Caesar's death], *Hermes*, Vol. 33, no. 2, pp. 185-244. (in German)

36. Sullivan, R.D., 1990. *Near Eastern royalty and Rome, 100-30 B.C.* Toronto; Buffalo; London.

37. Timpe, D., 1962. *Die Bedeutung der Schlacht von Carrhae* [The meaning of the Battle of Carrhae], *Museum Helveticum*, Vol. 19, pp. 104-129. (in German)

38. Townend, G.B., 1983. *A clue to Caesar's unfulfilled intentions*. *Latomus*, Vol. 42, no. 3, pp. 601-606.

39. Vădan, P., 2008. *Pattern of continuity in Geto-Dacian foreign policy under Burebista*. *Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies*, Vol. 6, pp. 69-86.

40. Wolski, J., 1993. *L'Empire des Arsacides* [The Empire of Arsacids]. Louvain: Peeters. (in French)